

вне классов, и внутриклассовыми социальными слоями. При этом существует мнение, что не только в первом, но и во втором случае имеется в виду, что социальные отношения охватывают все отдельные виды общественных отношений, как бы синтезируя их³, разумеется, лишь в сфере взаимодействия основных элементов социальной структуры общества. Очевидна и необходимость терминологического разграничения указанных двух значений слова *социальный*;—в ожидании соответствующих предложений представляется целесообразным для его первого (широкого) значения использовать слово *общественный**.

В обсуждаемой статье, на наш взгляд, следовало бы также остановиться на вопросе о правомерности использования для наименования рассматриваемого в ней комплекса понятий термина *соционормативная культура*. Это тем более желательно, что указанный термин сравнительно недавно введен в научный обиход. Не вдаваясь во все детали этой далеко не простой задачи, отмечу лишь, что ее решение связано с рассмотрением общества (социального организма) в двух проекциях, одна из которых позволяет вычлениить социальные отношения в узком значении слова, другая— всю культуру, включая ее соционормативную сферу⁵. Соответственно под последней понимается совокупность тех компонентов культуры, которые обеспечивают детерминацию и регуляцию человеческого поведения; при этом имеются в виду такие институты, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры⁶.

Одним словом, разработка понятийно-терминологического аппарата этнографической науки требует особого внимания к методологическим проблемам общего характера. Обсуждаемая статья, несомненно, стимулирует такую ориентацию, и в этом одно из ее существенных достоинств.

³ См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 67—68.

⁴ Ср.: Дроздов А. В. Понятие социальной структуры как социологическая категория.—В кн.: Проблемы исторического материализма. Л., 1971, с. 20.

⁵ Из последних работ, рассматривающих эту проблему, см.: Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983, с. 23—26; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 91—101.

⁶ См.: Мкртумян Ю. И. Компоненты культуры этноса.—В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 44—45; Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса.—СЭ, 1982, № 1, с. 9—10.

С. А. Арутюнов

ЗА КОРРЕКТНОСТЬ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА

В этом кратком отклике на поднятые А. И. Першицем вопросы я не собираюсь обсуждать принципы отбора терминов для словаря. Такой отбор в любом случае происходит в значительной мере интуитивно, исходя из того, какие термины воспринимаются как наиболее употребительные и операционально насущные среди общего терминологического тезауруса, присущего группе ученых — составителей подобного словаря. Все прочие рассуждения обычно служат лишь для придания видимости объективности и логичности этому в основе своей субъективному и ассоциативно-интуитивному процессу. В таком оправдании вряд ли есть надобность — практика показывает, что в таких начинаниях интуиции одного или нескольких крупных ученых вполне достаточно для достижения хорошего результата.

Что касается соотношения понятий и терминов, то в общественных науках в обозримом будущем качественный подход к определению процессов и явлений явно будет, как и раньше, резко преобладать над количественным, и соответственно этому идеал строгого соответствия термина и понятия, не всегда, кстати, достигаемый даже в точных науках, не говоря уж о естественных, останется далеким от достижения. А. И. Першиц приводит четыре значения термина *раннеклассовое общество* и считает, что правомерно употреблять его лишь для первого из них.

Однако по существу, оставляя в стороне безусловно неправомерное четвертое употребление (наиболее удачно называть любые классовые общества докапиталистической эпохи, на мой взгляд, традиционалистскими или доиндустриальными классовыми обществами), нельзя не видеть, что в реальном употреблении термин *раннеклассовое общество* соответствует достаточно широкому семантическому полю, охватывает все три первых случая, кроме высокоразвитых поздних обществ с так называемым азиатским или политарным способом производства, и, что самое главное, провести линии разграничения между этими случаями на практике бывает чрезвычайно трудно.

Но в данной публикации я хочу коснуться прежде всего проблемы обновления и обогащения нашего терминологического арсенала. Если словарь не может обладать силой принуждения в плане смыслового употребления (или неупотребления) термина, то в плане его написания он такой силой обладать может. Редакторы издательств знают, что этнонимы следует выверять по «Атласу народов мира», а топонимы — по «Географическому атласу мира» 1967 г. И когда выйдет в свет готовящийся словарь, он может стать таким нормативом.

Ряд обстоятельств (невнимательное отношение к изучению древних языков, поверхностное знание английского языка рядом ученых, занимающихся терминовтворчеством, и т. д.) приводит, к сожалению, к тому, что наш терминологический лексикон засоряется лингвистически некорректными терминами. Не всегда можно добиться переводимое™ новых русских терминов на западные языки — не поддается адекватному переводу термин *кабала*, тем более ему не поддаются *кабальные, дележные, разборные* и прочие отношения и ряд других терминов, введенных Ю. И. Семеновым. Источником постоянных мучений переводчиков являются такие сверхупотребительные слова, как *область* и *народность*. Совершенно нетерпимым представляется мне употребление прилагательного *реципрокный*, грубо нарушающего нормы одновременно и латинской, и русской грамматики. Вошло в обиход слово *полиэikonия*, однако через «эй» (ныне чаще «ой») обычно передается в русском греческий дифтонг *oi*, а *si* неизменно передается через «и», и закономерно^ что в английском переводе этот термин становится полииконизмом. Отмечу, что исторически разная транскрипция одних и тех же греческих слов уже приводила в русском языке к образованию различных терминов — *схема* и *схима*, *сцена* и *скиния* и т. д. Нежелательны и выглядят уродливо даже греко-латинские биномы (типа культурологии), не говоря уже о смешении современных языков с древними (наукология, сайентология и подобные терминологические уродцы).

Ничего нельзя возразить против введения в русский язык, когда нужно, английских терминов англо-саксонского происхождения, типа *бигмен*; однако ничем не оправдано введение романских (латинских, французских) терминов в «англизированной» форме. Мне очень режут слух не только чудовищное *трайбализм* (вместо трибализм), но и все широко распространенные за последнее время *линьджи* и *рэмиджи* — в соответствии с традициями русского языка гораздо корректнее было бы говорить *рамаж* и *линеаж*.

Бороться с этим полуграмотным терминовтворчеством по ряду понятных причин крайне трудно. Тщетно воюет наш старший коллега С. А. Токарев против совершенно неправомерного сочетания «продукт питания» — его употребляют все и, видимо, будут употреблять. Склон-

ность к мешанской «красивости», кажется, уже вытеснила из нашей речи (даже научной!) слово *центр*, заменив его, ни к селу ни к городу, *эпицентром*, хотя последнее слово имеет свое очень четкое терминологическое значение. Пожалуй, единственное оружие тут — это нормативный словарь. Только он может вернуть в законное русло прорвавшие дамбы грамматики и традиции мутные волны неконтролируемого терминотворчества, восстановить попорченную грамматическую и стилистическую справедливость. И будет очень жалко и обидно, если это единственное оружие останется в этом плане неиспользованным.

Г. Е. Марков

О ТЕРМИНАХ И ПОНЯТИЯХ В ЭТНОГРАФИИ

В последние годы исследователи, работающие в области этнографии и истории первобытного общества, все чаще и настойчивее отмечают неудовлетворительное состояние используемой в публикациях терминологии и понятий*. Это обстоятельство, и необходимость их уточнения и унификации справедливо отмечаются в обсуждаемой статье А. И. Першица.

В связи с этим необходимо подчеркнуть важность и своевременность работы по подготовке энциклопедического словаря «Этнография: основные понятия и термины», с чем связана и настоящая дискуссия. Значение обсуждаемых вопросов особенно велико потому, что после выхода в свет энциклопедии принятые в ней определения терминов и понятий долгое время будут иметь нормативное значение и использоваться в научных исследованиях и в преподавании в высшей школе. Это требует особой осторожности и такта в отборе терминов, большой точности в формулировке понятий. В том случае, когда проблема остается дискуссионной, излишняя категоричность суждений может привести только к развертыванию излишних дискуссий.

Думается, что предложения, высказываемые в обсуждаемой статье, формулировки терминов и понятий, отвечают в целом этим требованиям и заслуживают серьезного внимания и одобрения. Вместе с тем, как и во всяком новом деле, касающемся тем более столь сложных теоретических проблем, существуют и некоторые аспекты, нуждающиеся в дальнейшем обсуждении.

В связи с этим хочется высказать некоторые соображения. Прежде всего по поводу отдельных понятий и терминов, рассматриваемых в обсуждаемой статье, а затем в связи с некоторыми возможными дополнениями.

А. И. Першиц, безусловно, прав, когда он пишет, что термины должны однозначно соответствовать выражаемому им понятиям и что единственно верный принцип — «одно понятие — один термин». Этому отвечает и предлагаемый путь отбора терминов: рассматривать каждое понятие под своим термином, а не сводить генетически, функционально, типологически родственные понятия в относительно крупные блоки, рассматривая их под одним обобщающим термином (см. с. 61). Но (и это* также справедливо отмечается А. И. Першицем) отбор терминов — дело очень сложное из-за их разнотерминности.

Проще всего обстоит дело с терминами, давно уже вошедшими в научный оборот и достаточно строго отвечающими определенным понятиям. Их много, например можно назвать: *общественно-экономиче-*

* См., напр.: Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. — СЭ, 1982, № 2.